

Морозова Ирина Глебовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета мировой экономики и мировой политики
Национального исследовательского университета
«Высшей школы экономики» (НИУ ВШЭ).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МНОГОЯЗЫЧИЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

Одна из важнейших задач современности заключается в том, чтобы, сохраняя национальную самобытность народов, научиться использовать преимущества глобализации – интеграцию в мировой экономике, развитие современных информационных технологий и компьютеризацию различных областей человеческой деятельности – для обеспечения устойчивого развития и достижения социальной гармонии, что возможно на основе новых ценностей и взаимопонимания между представителями различных этнических и социальных групп.

Поскольку язык является ведущим инструментом межкультурного взаимодействия, из всех видов идентичности наибольший интерес представляет рассмотрение лингвокультурной идентичности и выяснение роли языкового фактора в формировании этой идентичности. Языковой коллектив, с одной стороны, и конкретный человек, с другой стороны, являются носителями культуры в языке. Человек осознает свою культурную идентичность в рамках своей принадлежности к той или иной культуре, субкультуре. Такое осознание фиксируется в языковом сознании индивида и отражается на его коммуникативном поведении. Лингвокультурная идентичность определяет наличие поведенческого стереотипа по отношению к «своим» и разным типам «чужих», что позволяет субъекту коммуникации экономить усилия, снижает неопределённость существования, помогает адаптироваться к среде и быстрее реагировать на её изменения. В межкультурной коммуникации понятие «чужой» имеет ключевое значение, поскольку при восприятии различных явлений другой культуры действуют когнитивные фильтры, позволяющие

индивиду выделить себя из среды «чужих». «Чужая» культура всегда познаётся и оценивается на фоне «своей» [2].

Принадлежность к определённой социальной общности и типу культуры придаёт людям уверенность, создаёт чувство безопасности и социальной защищённости. Современные изменения касаются базовых элементов культуры – языка, духовных ценностей, стандартов поведения, традиций. Поскольку идентифицировать себя не только как личность, но и как члена какого-то социума можно только с помощью языка, который обеспечивает взаимопонимание в данном социуме, изменения в языке или смена языка неизбежно отражаются на процессе идентификации. С другой стороны, «язык преобразовывается и перестраивается, чтобы соответствовать новым идентичностям и контурам цивилизаций» [6, с. 87].

В условиях глобализации идентичность неизбежно претерпевает изменения, приобретая ряд новых, не свойственных данной культуре оттенков. Образование единого коммуникационного пространства способствует распространению общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, имеющих универсальный характер, что влияет на процессы идентификации. При этом взаимовлияние культур осуществляется на различных уровнях и имеет различную степень интенсивности. Формируется новая идентичность, строящаяся по принципу «единство в многообразии», при котором «местные» элементы культуры включаются в глобальное пространство.

«Чужая», незнакомая культура не должна мешать нормальному функционированию общества, потому что быт, повседневная жизнь необязательно привязаны к культурной интеграции. Также нужно помнить, что любое современное общество является крайне разнообразным в культурном смысле. Стили жизни и моральные стандарты, эстетические предпочтения и вопросы веры, привычки и запросы – все эти обстоятельства создают самые «разные миры», можно даже сказать – «параллельные» общества. Однако решающее значение имеет тот факт, что эти «параллельные миры» могут и должны уживаться вместе. Культурное разнообразие всегда обогащает, потому

что оно даёт возможность научиться видеть привычное, само собой разумеющееся с иной точки зрения. Конечно, разнообразие, а вернее «инакость» может быть питательной почвой для возникновения межнациональных конфликтов, но, как показывает вся история человечества, «на земле не существует ни мультикультурного, ни этнокультурного рая» [5]. Конфликты – неотъемлемая часть современного общества, но чтобы научиться решать эти конфликты мирно, снижая напряжённость в обществе, необходимо больше знать о «чужой» культуре – о культурных традициях, особенностях людей, живущих рядом с нами. Полноценное знакомство с культурой другого народа предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, но и попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры. Поскольку культура – часть картины мира, закреплённой в языке, то проникнуть «в образ мышления нации, в её способ видения мира» можно не иначе, как «узнав» язык, на котором говорят представители данного культурного социума [3, с. 78].

Взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании изучает лингвокультурология – комплексная научная дисциплина, которая как часть науки о человеке ориентирована, с одной стороны, на человеческий фактор в языке, с другой – на языковой фактор в человеке. Предметом исследования могут быть различные варианты взаимодействия языков и культур в современных «смешанных», т.е. неоднородных в языковом и культурном плане обществах, чаще называемых сегодня «мультикультурными». Особенности взаимоотношений языка и культуры (языков и культур) интересно изучать на примере воспитания многоязычных детей в смешанных семьях, например, если родители, носители двух разных языков, иммигрируют в страну «третьего» языка. В этом случае трёхязычный ребёнок «разрывается» не только между мощными «магнитами» – тремя языковыми системами, но и между тремя культурами, тремя традициями воспитания. «Натуральный» билингв, как правило, усваивает несколько культур изнутри, глубоко, потому что языки и стоящие за ними

культуры означают для ребёнка естественную среду, речевую повседневность, бытовое поведение родных и близких. И от взрослых будет зависеть, насколько эти культуры повлияют на его образ мыслей и стиль жизни в будущем. Хотя и принято считать, что в случае натурального билингвизма всё «впитывается с молоком матери», без определённых усилий со стороны родителей «мультикультурность» сама по себе не станет частью личности ребёнка. Решающую роль в этом должно сыграть языковое воспитание, направленное на освоение нескольких языков, которые для билингва по сути могут стать (и в идеале должны стать) родными: неслучайно по отношению к многоязычным семьям стали применяться термины: первый родной язык, второй родной язык и т. д. При этом языковое развитие не идёт само собой – языком надо заниматься, необходима постоянная тренировка в многоязычии. По словам филолога и педагога Елены Мадден, проживающей в Германии и воспитывающей своих «трёхязычных» детей, многоязычие – «балансирование на шаре: остановишься – упадёшь» [4, с. 185].

Как правило, выбор языка в мультикультурных обществах обусловлен многими факторами, такими, как семейные традиции, политика, экономика, история, языковая политика и др. При этом, когда речь заходит об иммиграции, часто всплывает понятие «ведущей культуры», к которой следует приспособливаться новым гражданам. Однако нет полной ясности, что к ней относится: еда, одежда, искусство, национальные праздники, обычаи? Несомненно, «ведущей культурой» в лучшем смысле этого слова должна быть культура сосуществования, культура демократии, существующая в правовом государстве, где уважаются основные права всех граждан, независимо от их происхождения. Однако повседневная жизнь показывает, что всё не так просто. Эта ведущая культура требует не только толерантности, но и уважения с обеих сторон, как со стороны «старых», так и со стороны «новых» граждан – только в этом случае она в итоге ведёт к интеграции. Здесь слово «уважение» уместнее слова «толерантность»: можно и нужно не только терпеть друг друга, но и уважительно относиться друг к другу. Это и есть интеграция. Это задача,

которая стоит перед большинством европейских государств, в том числе и перед Германией.

Анализируя условия жизни русскоязычных иммигрантов в Германии, можно отметить, что большинство из них имеют возможность сохранить свою культурную и национальную идентичность. Сменив место жительства и попав в иноязычное окружение, они оказываются в ситуации двуязычия, контакта двух языков – русского и немецкого. Немецкий язык становится прежде всего языком взаимодействия с государственными институтами, инструментом общения с новым окружением, позволяющим реализовать себя в чужой стране, а общение внутри семьи осуществляется в основном по-русски. За последние десятилетия на территории Германии сформировалась многочисленная русскоязычная диаспора, наиболее активная часть которой прекрасно освоила немецкий, но поскольку базой её успеха является более или менее стабильная русскоязычная среда, то деловая элита заинтересована в сохранении русского языка как средства общения. Такая позиция поддерживается взрослыми носителями «привезённого» русского языка. Но тогда получается, что стратегия сохранения родного языка идёт вразрез с первоначальным желанием влиться в немецкое общество. Многим легче изолироваться, создав свой «русскоязычный мир», чем погрузиться в чужую среду, оказавшуюся не такой «комфортной», как ожидалось. Это, конечно, замедляет процесс интеграции наших бывших соотечественников. Такое сдерживание интеграции обеспечивается и новыми жизненными обстоятельствами – свободой перемещения и доступностью электронных и печатных СМИ на родном языке. Физически большая часть русских живёт в Германии, оставаясь при этом в информационном и – в значительной степени – политическом пространстве России. Здесь даже можно говорить о «конфликте поколений»: дети, вырастая в немецкой среде, предпочитают немецкий язык русскому, в то время как родители остаются в «русскоязычном мире», в котором они чувствуют себя значительно комфортнее. Тем не менее многие родители осознают, что для будущего их детей важны не только полная интеграция в немецкоязычное общество, но и

сохранение связи с культурой и языком их первой родины. Далеко не всем родителям удаётся сохранить равновесие между двумя языками и культурами, да и не все ставят такую цель. В этом случае существует другая опасность: если в семье мало внимания уделяется родной речи, то дети могут вырасти «полуязычными». Полуязычие, так называемый семилингвизм, при котором имеет место частичная утрата родного языка и одновременно неполное усвоение другого языка, является следствием недостаточного овладения первым и вторым языками в результате отказа от родного языка прежде, чем был усвоен второй язык. Если дети иммигрантов в Германии в недостаточной степени усваивают дома и среди непосредственного окружения свой родной (первый) язык, а немецкий (второй) язык практически не усваивают вообще, то дефицит знаний немецкого языка, становящийся очевидным к моменту поступления в школу, часто уже не может быть компенсирован. «Если родители отказались от родной речи, вернуться к ней позднее очень трудно: дети повторной смене языка отчаянно сопротивляются» [4, с. 6]. Многие русскоязычные родители в Германии, по наблюдению Елены Мадден, избегают публично говорить на родном языке. Ценность многоязычия официально признаётся, но от официальных деклараций массовые настроения сильно отличаются, и настороженное отношение к иностранцам и их языкам – не редкость. От новых членов общества ожидается, что они быстро перейдут на немецкий, причём на «чистый» немецкий [4, с. 19].

Большинство иммигрантов в Германии являются представителями так называемого асимметричного билингвизма с одним доминирующим языком. Билингвы обычно «распределяют» языки, которыми они владеют, используя их в зависимости от условий общения: в ситуациях, когда уместен один язык, второй язык «отключается». Например, в официальной обстановке, при общении с властью активизируется преимущественно один язык – язык большинства, а в повседневной жизни, в семье – другой, как правило, «привезённый» родной язык. При этом, если необходимо воздействовать на эмоции и образное восприятие получателя информации, то предпочтение

отдается родному языку. Основными формами взаимодействия языков при билингвальном типе коммуникации являются интерференция и переключение кодов. При производстве высказывания в речи билингва происходит неполная деактивация одного из языков или чередование активности двух языков.

Одной из важных функций и причин распространения «смешанных языков» является номинация предметов и процессов, отсутствующих (или отсутствовавших на момент эмиграции) в русской языковой среде, либо имеющих иную специфическую прагматику. Например, понятие «*социал*» (нем. «*Sozialhilfe*» — финансовая помощь от государства, выплачиваемая не имеющим работы и права на пособие по безработице) не имеет аналога на территории стран СНГ. Примерами понятий, отсутствовавших на момент эмиграции, являются наименования компонентов компьютера, поскольку большинство эмигрантов 90-х гг. до эмиграции с компьютером не работали: «*тастатура*» (нем. «*Tastatur*» — клавиатура), «*фестплата*» (нем. «*Festplatte*» — жёсткий диск) и т. д. Кроме того, заимствованию немецких слов способствует более широкое или более узкое значение их русского эквивалента. Так, немецкому «*Keller*» соответствует в русском языке несколько слов: «*подвал*», «*полуподвал*», «*полуподвальный этаж*» и «*погреб*». В языке эмигрантов эти понятия не различаются, объединяясь в «*келлер*».

Переключение кодов часто используется с целью экономии времени и речевых усилий: коммуниканты не прилагают усилий для того, чтобы подобрать русские эквивалентные единицы, а используют иноязычные слова, словосочетания и целые предложения, если те вспоминаются быстрее, лежат, так сказать, «на поверхности памяти». В то время как одни представители эмиграции (в первую очередь первых волн) используют заимствования главным образом в тех случаях, когда затрудняются подобрать соответствующие русские слова или выражения, другие русскоязычные жители Германии применяют принцип языкового упрощения. То есть, они способны сформулировать свою мысль на стандартном русском языке, однако или ленятся подбирать слова, или стремятся продемонстрировать собеседнику

знание соответствующих немецких слов-реалий, например, «монатскарте» (*Monatskarte*) вместо «месячный проездной билет».

Иногда иноязычные вкрапления связаны с «непереводимостью» некоторых лексических единиц: имеется в виду несоответствие культурно обусловленных ассоциаций и коннотаций, которые неизбежно теряются при переводе с одного языка на другой, например: *Итак, тест сдан, Aufnahmebescheid* (документ, который даёт право на въезд в Германию) получен, билеты куплены. *Не спешите и сделайте ваш Bewerbung на совесть* [10]. *Die Bewerbung* – лексема, не имеющая в русском языке однословного эквивалента, означающая: заявление о приеме на работу, о назначении на должность или о зачислении в учебное заведение.

Образование новых слов происходит в основном по правилам русского языка с использованием корня, заимствованного из немецкого языка: *бератеры* (*Berater*) – консультанты, *бетройша* (*Betreuerin*) – куратор-женщина, *меньга* (*Menge*) – множество, *штихпункты* (*Stichpunkte*) – основные моменты. Этот процесс затрагивает не только существительные, но и другие части речи, которые подвергаются наибольшей трансформации: *шварцевать* (*schwarz arbeiten*) – работать «по-чёрному» (неофициально, не платя налоги); *замельдоваться* (*sich anmelden*) – зарегистрироваться; «*абшлэпать машину*» (*den Wagen abschleppen*) – эвакуировать автомобиль, *отцоллить* (*verzollen*) – заплатить таможенную пошлину, *отцолненный товар*, *берюмнутый*, *зюсый*, *кальтенский* и др. [8]. Использование словообразовательных элементов русского языка преобразует заимствованные слова, благодаря чему они приобретают новую экспрессивную форму, какой не имели в родном языке: *ангебот* (предложение) – *ангеботина*, *нудель* (лапша) – *нудельки*; *шпацирнуть* (гулять) – *шпацирнуть*; *чус* (пока) – *чусики*, *кнайпа* (пивная) – *кнайпочка*, *фест* (твёрдый) – *фестенький*, *кинд* (ребёнок) – *киндёныш*. После того, как заимствованное слово вошло в язык, оно часто начинает "жить своей жизнью", независимой, как правило, от жизни прототипа этого слова в языке-источнике. От заимствованного слова, по мере его полного освоения, могут быть

образованы производные слова, претерпевающие те или иные семантические изменения, в результате которых заимствованное слово может получить в языке-реципиенте иное значение, чем в языке-источнике, например: *sozial* (социальный) – *социал* (социальная помощь, социальное пособие) – *жить на социале* (получать социальное пособие) – *социальщик* (получатель социального пособия); *редуцированный* (по сниженной цене, от нем. *reduziert*).

Следует отметить, что границы между «вкраплениями», т.е. кодовыми переключениями, и заимствованиями довольно расплывчаты. Во многих случаях трудно определить степень узуализации немецких элементов в русской речи мигрантов. Тем не менее высокая частотность употребления некоторых лексем может свидетельствовать о том, что они уже не индивидуальны, а вошли в лексическую систему русского идиома данной группы говорящих, например: *термин* (*der Termin* – деловая встреча, назначенная на определенное время), *арбайтсамт* (*das Arbeitsamt* – биржа труда, агентство по трудоустройству) и др.

Причиной возникновения «смешанных и гибридных языков» часто является потребность обособиться от большинства, выраженная в игровой или даже провокационной форме. Использование смешанных языков представляет собой в этом случае попытку самоидентификации и означает для говорящих языковое самоутверждение. Подобное на материале «русского немецкого» возникло в рамках интернет-проекта *Qwelia* примерно в 1990 году благодаря возросшей иммиграции из России. Разработчики *Qwели* пошли по следующему пути: они взяли за основу русскую грамматику и немецкие корни. Возникло даже целое течение – своего рода «фольклёрный микс», состоящий из стихотворений и песен, хорошо известных носителям русского языка и представляющих собой «гремучую смесь» немецких и русских слов и форм. Ярким примером подобного языкового «микса» являются следующие строчки:

*А не томи мою ты зелю (душу),
не сверли в ней лох (дырку).*

*А не души мою ты **квелю** (источник),*

*Ох, как я **шпюраю** (чувствую) подвох [8].*

Вот ещё некоторые примеры «креативной шпрахи» (языка): *отсылать бевербунги (заявления о приёме на работу), подтверждение арбайтсамта (биржи труда), переписка с финанцамтом (финансовым ведомством), покупать вайсвюрстхены (белые сосиски) в метцгерае (мясной лавке), жарить братвурсты (жареные колбаски), кексен бакен (печь печенье), бротхен (хлебушек) свеженький, с порезанным лаухом (луком), гефюльте фиш (фаршированная рыба), поспрашивать у бауэров (фермеров) на вохэнмаркте (еженедельном рынке), моя тохтерхен (моя дочурка), майне зюся (моя сладкая) [9].* Такие «миксы» характерны для повседневного общения и используются прежде всего в самых жизненно важных ситуациях: это – поиск работы, здоровье, еда, покупки. Чем абстрактнее темы, тем больше вероятность языковой однородности, чистоты. Здесь переключение кодов происходит чаще на межфразовом уровне, то есть чередуются более или менее целые, оформленные в смысловом отношении фрагменты. Бытовая речь больше подвержена переключениям кодов внутри фраз. И здесь как раз широкое «поле деятельности» для языкового творчества. Тот, кто впервые употребляет те или иные кодовые переключения, как правило, не ставит цели сделать их узуальными. Используя их, говорящий лишь удовлетворяет возникшую у него в данный момент потребность выразить свою мысль доступными (в том числе, на разных языках) средствами. Новообразования, возникшие в результате спонтанных, часто неосознанных переключений кодов, закрепляются в языке лишь после многократного повторения и, как правило, в том случае, если они исходят от разных лиц или воспринимаются и позднее перенимаются другими как удачные заимствования. Особенностью такого «смешанного» языка является его относительная неустойчивость и вариативность форм. Однако не исключено, что слова, возникшие в случае частого переключения кодов в определённой группе коммуникантов, могут со временем закрепиться в языке и стать нормой, как это произошло со многими заимствованиями, ведь

«завтрашние изменения являются следствием нашей сегодняшней коммуникации» [7, с. 46]. Смешивая языки, одно поколение «изобретает» свой «язык», который для следующего поколения уже вполне может стать «родным» и служить средством внутригруппового общения. [1, с. 156]. Таким образом, «смешанные» языки выполняют ряд важных коммуникативных функций в условиях многоязычной среды, являясь промежуточным звеном, «ступенькой», а также одной из предпосылок для формирования новых вариантов языка: социолектов, жаргонов, сленгов и др.

Источники и литература

1. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Смешанные языки / Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. // Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие. – СПб, 2004 – С. 149-159.

2. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации: автореферат диссертации на соискание научной степени канд. филол. наук / Н.Ф. Герман – Челябинск, 2009 [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnaya-identichnost-subekta-sovremennoi-mezhkulturnoi-kommunikatsii> (дата обращения: 26.05.2013)

3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов – М.: КДУ, 2011. – 350 с.

4. Мадден Елена. Наши трехязычные дети / Елена Мадден – СПб: Златоуст, 2008. – 306 с.

5. Олигер Райнер. Нация как исходная точка исторического повествования нежизнеспособна / Олигер Райнер // Досье Goethe-Institut в России: Миграция и интеркультура [Электронный ресурс] URL: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/mig/kol/ru6750458.htm> (дата обращения: 20.05.2013).

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон – М.: Издательство АСТ, 2003. – 603 с.

7. Keller Rudi. Sprachwandel: Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. 2. Auflage / Rudi Keller – Tübingen und Basel: Franke Verlag, 1994. – 238 S.

8. Креативная Quelia [Электронный ресурс] URL: <http://www.strannik.de/quelia> (дата обращения: 20.05.2013).

9. Русские в Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cccp.de/talk/> (дата обращения: 20.05.2013).

10. Сайт, посвящённый жизни переселенцев в Германии. [Электронный ресурс] URL: <http://katrusja.narod.ru/rabota.htm> (дата обращения: 10.06.2013).